

О. В. Красовская
Луганск, ЛНР, Украина

«ЧУЖОЕ СЛОВО» В ДИСКУРСЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

АННОТАЦИЯ. Описывается использование цитатного материала в дискурсе текущей информационной войны между Россией и Украиной. «Чужое слово» обязательно присутствует в медийных текстах, составляющих коммуникативное поле информационного противоборства. Этому способствуют такие черты дискурса информационной войны, как высокая степень агональности, модальность несогласия, основанная на иллокутивном вынуждении диалогичность. В заголовках цитаты часто используются в трансформированном, например редуцированном, виде. Для передачи интенсивности оценки цитаты нередко сопровождаются описанием невербального поведения автора воспроизводимой цитаты и его негативным портретом. «Ухудшение» высказывания оппонента может осуществляться путем экспрессивной замены глагольных форм 3-го лица формами 2-го лица, а также стилистического понижения речи оппонента. Выделяются наиболее типичные реакции на слова оппонента, из которых происходит заимствование «чужого слова»: несогласие с оппонентом; отрицание заключенного в высказывании оппонента утверждения; негативная оценка точки зрения оппонента; вызывающее согласие с оппонентом (например, принятие негативной оценки своих действий как допустимой по отношению к политическому противнику). Анализируются приемы трансформации цитат: каламбурная расшифровка аббревиатуры; квазичитатные вкрапления переосмысливаемых «лексем-лозунгов» из официальной политической риторики Украины (в заголовках выполняют конструктивную функцию, скрепляя дискредитирующие Украину сюжеты в целостный обличительный текст). Особое внимание в статье уделяется освоению украинских квазичитатных вкраплений в русских медиатекстах. Делается вывод, что цитата в дискурсе информационной войны используется в специфической функции протеста против позиции или кода оппонента.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: информационная война; украинский конфликт; политический дискурс; трансформация цитаты; прецедентные феномены; российско-украинские отношения.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Красовская Оксана Владимировна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры социальных коммуникаций, Луганский национальный университет им. Т. Шевченко; 91000, Украина, Луганская Народная Республика, г. Луганск, ул. Оборонная, 2, корп. 1, к. 1-317; e-mail: rusistika@rambler.ru.

Материалы Международной научной конференции «Один пояс — один путь. Лингвистика взаимодействия» (Екатеринбург, 16—21 октября 2017 г.).

Работа продолжает исследование дискурса текущей информационной войны между Россией и Украиной [Красовская 2016], воплощенного прежде всего в медийных текстах оппонентов.

Широкое использование цитат в постсоветском дискурсе в целом (художественная литература, медийная и непринужденная устная речь) отмечалось в исследованиях многих лингвистов (например: [Земская 2004а, 2004б, 2004в; Кронгауз 1995]). При этом специалисты справедливо подчеркивают, что интертекстуальность — это «онтологическое (сущностное) свойство любого медиатекста», «медиатекст представляет собой „текст текстов“» (Э. А. Лазарева), «вторичный текст, включающий „голоса“ (цитаты) множества текстов» [Современный медиатекст 2011: 30].

Наши наблюдения также выявляют обязательное присутствие «чужого слова» в медийных текстах, составляющих коммуникативное поле информационного противоборства. Этому способствуют такие важнейшие связанные друг с другом черты дискурса информационной войны, как 1) высокая степень агональности; 2) модальность несогласия; 3) основанная на иллокутивном вынуждении диалогичность. Главным источником цитат в нашем материале выступают политические заявления, которые, как правило, используются в «оппозиционных коммуникативных целях» [Арутюнова 2016: 50].

О регулярном приобретении политическими заявлениями статуса события свидетельствуют сформировавшиеся в современной медийной практике некоторые модели их вынесения в заголовок:

1) автор цитаты (с дополнительной информацией о прагматической ситуации цитирования или без таковой) + ее фрагмент: *Кобзон о поздравлении Порошенко: „Это позор“* (news.rambler.ru. 27.08.2017);

2) цитата + ее автор (с дополнительной информацией о прагматической ситуации цитирования или без таковой): *„До встречи“: Прилепин прокомментировал участие Пашинина в операции в Донбассе* (topru.news. 25.08.2017);

3) автор цитаты + глагол сообщения + извлеченные из цитаты слова: *Путин назвал киевские власти „хунтой“ и „кликлой“* (tvrain.ru. 24.04.2014);

4) редуцированная до резонансного слова цитата + опровержение стоящего за ним тезиса: *Зрада (укр.; рус. предательство): Савченко призвала стороны конфликта на Донбассе к диалогу* (rusvesna.su. 08.06.2016).

В большинстве случаев цитаты используются в редуцированном и трансформированном виде (так называемая квазичитация [Земская 2004в: 553]). Трансформации могут заключаться в сообщении «чужому слову» иной — провокативной — иллокутивной силы. Так, на месте глаголов сообщения ска-

зал/заявил нередко появляются лексемы неодобрения [Гловинская 1993: 196]: *Новости: Министр соцполитики Украины упрекнул граждан страны в том, что они очень много едят* (riasv.ru. 10.08.2017); *Министр социальной политики еврейско-бандеровского подвида обвинил жителей Украины в обжорстве* (news.sputnik.ru. 14.08.2017).

Для передачи интенсивности оценки трансформированные указанным образом цитаты нередко сопровождаются описанием невербального поведения автора воспроизводимой цитаты и его негативным портретом: *Андрей Рева, министр социальной политики Украины, в эфире одного из телеканалов объявил, что украинцы слишком много едят, а потому так бедно живут. Попрекнул то есть опекаемых граждан куском хлеба. Так и сказал — укоряющим, назидательным тоном, потрясывая огромным вторым подбородком, вросшим в толстенную шею* (news.sputnik.ru. 14.08.2017).

«Ухудшение» высказывания оппонента может осуществляться путем экспрессивной замены глагольных форм 3-го лица формами 2-го лица, а также стилистического понижения речи оппонента. Ср.:

1) *Министр соцполитики Украины: украинцы много едят* (rossaprimavera.ru. 10.08.2017) и

2) *Вы слишком много едите*, — министр соцполитики объяснил, почему украинцы тратят 50 % доходов на питание (rusvesna.su. 10.08.2017); *На днях в укротелеэфире всхрюкнул еще один из представителей интеллектуально ущербной элиты — министр социальной политики А. Рева. По его мнению, украинцы непозволительно прожорливы. Отвечая на вопрос, почему укры тратят на еду 50 % своих доходов, в то время как у немцев эта цифра не превышает 14 %, он ответил, что такая разница вовсе не в уровне доходов, а в культуре и традициях питания.*

„У наших людей есть такая историческая традиция. Голодоморы (!) заставляли их относиться к проблеме питания не так, как в других странах. Немцы едят немного по-другому. Их культура питания отличается от нашей. Учитывая, что цены на продукты примерно одинаковые в Украине и Германии, они едят меньше не потому, что у них нет возможностей, а потому, что у них другая культура. И поэтому они тратят меньше по сравнению с нашими людьми“, — заявил главный по укросоциалке. Посыл, в общем, понятен: когда вы уже нажретесь? (Новороссия. 2017. № 153).

Таким образом, освоение цитат оппонента в дискурсе информационной войны носит полемический характер. За их использованием в информативной функции, как правило, следует «отстранение» либо от точки зрения, либо от речевой манеры оппонента [Арутюнова 1992: 61]. Укажем наиболее типичные реакции на заявления политического противника, из которых происходит заимствование «чужого слова».

1. Несогласие с оппонентом: *„Никак я не воспринял эти слова“, — заявил российский лидер, отвечая на вопрос, как он относится к подобным заявлениям Обамы. „Каждый человек, тем более президент Соединенных Штатов, имеет право иметь собственное мнение о ком бы то ни было: о своих партнерах, о других странах; это его мнение, так же как мне известно его мнение о том, что американская нация, Соединенные Штаты являются исключительными“, — сказал он. „Я не согласен ни с тем, ни с другим“, — заявил Путин* (tass.ru. 12.01.2016; реакция В. Путина на заявление Б. Обамы о том, что Россия — это региональная держава).

Ср. пример, в котором протест против ключевого термина из «чужого» словаря — аббревиатуры АТО (антитеррористическая операция) — выражен ее каламбурной расшифровкой: *Однако Киев, вместо того чтобы вступить в диалог с весомой частью своих граждан, развязал против нас „АТО“ — Антинародную Террористическую Операцию* (rusvesna.su. 27.12.2015; сохранена орфография автора — из обращения Главы ЛНР И. Плотницкого к жителям Херсонской области).

«Чужое слово» в русских текстах анализируемого нами дискурса нередко представлено украинскими «квазицитатными вкраплениями» — «лексемами-лозунгами» (в иной терминологии: «политическими аффективами») [Копнина 2008: 84] из официальной политической риторики Украины. Самые заметные из них — лексемы *перемога* (рус. победа), *здобулы* (рус. достигли), *революція гідності* (рус. революция достоинства), которые, как показывают факты, принадлежат актуальному словарю информационного противостояния между Россией и Украиной. В украинских (неопозиционных) текстах они порождают пафосную апологетическую тональность, в русских функционируют как «протестные ключевые слова». Ср. показательный контекст: *Вот чего у сторонников майдана не отнять, так это способности видеть перемогу везде, даже там, где ее, казалось бы, не может быть совсем; Это даже не оптимизм, это уже просто жизнь в*

какой-то другой реальности, в которой **перемога** становится аксиомой; *Кругом либо перемоги, либо временные трудности, которые все равно ведут к перемоге, неизбежной и большой* (samlib.ru. 20.02.2015).

Названные лексемы активно используются в заголовках к антиукраинским материалам и названиях газетных рубрик с таким же содержанием: *Политика Украины. Великие перемоги* (www.e-news.su. 30.08.2015); **Здобули**: экономические итоги „революции достоинства“ в цифрах (nahnews.org. 29.12.2015); „Гидність“ по-украински (Славяно-сербские вести. 2016. № 11). Употребленные в позиции внутренних заголовков, они выполняют конструктивную функцию, скрепляя дискредитирующие Украину сюжеты в целостный обличительный текст. Примеры из статьи «Красная книга украинских „перемог“»: **Перемога** первая; **Перемога** вторая; **Перемога** третья; **Перемога** четвертая; **Перемога** очередная (topwar.ru. 26.11.2015).

Большим воздействующим потенциалом в русских текстах, безусловно, обладает транскрипционная передача украинских вкраплений: *Восстание неуспевающих, или „Пэрэмога“ над диктантом* (odnarodyna.org. 15.04.2017; название поэтического текста, который является реакцией на отмену Тотального диктанта в Киеве).

Приведенные украинизмы часто вовлекаются в тексты оппонентов для разоблачения заявлений украинских политиков, порождая так называемый иронический (разных тональностей) опровергающий дискурс.

Косвенное опровержение лозунгов украинских политиков создается описанием негативных фактов из жизни украинского общества, которые демонстрируют разрыв между политическими заявлениями и реальностью. Помещенные в негативный контекст украинизмы приобретают пародийное звучание. Ср. следующие примеры: „**Здобули**“: *доходы украинцев упали почти на четверть* (www.vitrenko.org. 02.07.2015); **Воны здобулы**: *майдан обрек пациентов киевских больниц на смерть* (antifashist.com. 13.11.2014); **Перемога**: *Рост цен на Украине установил 22-летний рекорд* (rusvesna.su. 07.01.2016).

Использование «чужого слова» с полемической целью, как правило, сопровождается его переосмыслением, употреблением в противоположном значении, которое в следующих примерах становится эксплицитным: *Генштаб ВСУ — виновник „победы“ под Дебальцево. Украинские военные написали Порошенко правду о поражении под Дебаль-*

цево (rusvesna.su. 12.03.2015); **Перемоги Украины, которые ведут к поражению** (www.news.li. 02.01.2016).

Полемичность принимающего украинскую лексему дискурса усиливается при вопросительном использовании украинизма: **Здобули? Украина взяла обязательства перед МВФ сократить количество школ** (www.politforums.net. 12.03.2015); **Мы „здобули“? Эксперт о самой бедной европейской стране** (strana404.info. 24.10.2015).

2. Отрицание заключенного в высказывании оппонента утверждения. Ср. примеры, содержащие отзвуки резонансного заявления П. Порошенко о том, что дети Донбасса будут сидеть в подвалах: *ДНР. Дети Донбасса не будут сидеть в подвалах и встретят Новый год счастливо* (newsfront.info. 29.12.2014); *Порошенко, дети Донбасса не сидят в подвалах — они встречают Новый Год!* (vladbard.blogpost.ru. 31.12.2015); *Наши дети ездят на отдых в РФ и получают российские дипломы, а не сидят в подвалах* (dnr-news.com. 22.07.2015).

3. Негативная оценка точки зрения оппонента: *Вспоминается фраза Порошенко, сказанная им на одной из пресс-конференций, наполненная чудовищным цинизмом: „У нас беспрецедентная свобода слова“* (Новороссия. 2016. № 114); *Захарченко выдал новое абсурдное заявление о „крахе“ Украины* (alfanews.com.ua. 05.05.2017); *„Попытка рассуждения о других странах в уничижительном порядке — это обратная сторона доказать свою исключительность“, — заключил Путин. „Мне кажется, что это ошибочная позиция“, — считает он* (tass.ru. 12.01.2016).

Приведу фрагмент из диалога журналиста В. Соловьева и министра иностранных дел России С. Лаврова:

С. Лавров. ...А Лоран Фабиус / в одной из своих э-э... в одном из своих выступлений сказал что „Свобода“ / лишь чуть-чуть правее других // Это /

В. Соловьев. Это трогательно //

С. Лавров. **поразительное заявление** // И-и... мы заявили о том что нам **неприемлемо подобное отношение** / и к памяти о тех кто / воевал с фашизмом / и кто победил фашизм / кто спас Европу от коричневой чумы («Воскресный вечер с В. Соловьевым». 11.04.2017).

4. Вызывающее согласие с оппонентом. Например, принятие негативной оценки своих действий как допустимой по отношению к политическому противнику: *Лавров назвал „оголтелыми“ представителей украинской диаспоры в Канаде. — Климкин поблагода-*

рил „оголтелую украинскую диаспору“ (sharij.net. 26.01.2016).

Итак, цитата в дискурсе информационной войны используется в специфической функции протеста против позиции или кода оппонента, при этом может сопровождаться и многими другими из числа выделяемых в специальной литературе, например пароля [Современный медиатекст 2011: 30—35].

В новой идеологической среде цитата подвергается самым разным формальным и семантико-стилистическим преобразованиям — иногда настолько, что начинает жить новой жизнью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Диалогическая цитация (к проблеме чужой речи) // Вопросы языкознания. 1986. № 1.
2. Вирен Г. Современные медиа: приемы информационных войн. — М., 2016.
3. Гловинская М. Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект / отв. ред. Е. А. Земская, Д. Н. Шмелев. — М., 1993.
4. Земская Е. А. Активные процессы в русском языке на рубеже XX—XXI вв. // Е. А. Земская. Язык как деятельность: морфема. Слово. Речь. — М., 2004а.
5. Земская Е. А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // Е. А. Земская. Язык как деятельность: морфема. Слово. Речь. — М., 2004б.

O. V. Krasovskaya
Luhansk, LNR, Ukraine

“BORROWED WORD” IN THE DISCOURSE OF INFORMATION WAR

ABSTRACT. *The article describes the use of quotes in the discourse of the current war between Russia and Ukraine. The “borrowed word” is always present in mass media texts that build the communicative space of information warfare. This is inspired by the following features of the discourse of information warfare: the high degree of agonism, modality of disagreement based on illocutive constraint, and dialogic nature. The quotes are often shortened in the titles. To intensify the evaluative component of the quotes, the texts describe non-verbal behavior of the author of the quote and make his image negative. “Deterioration” of the opponent’s quote is carried out with the help of the verbs of the 2nd person instead of those of the 3d person, as well as the use of stylistically colored vocabulary. The most typical reactions to the opponent’s words that make the basis for the “borrowed word” are shown: disagreement with the opponent; denial of the opponent’s statement; negative attitude to the view of the opponent; provocative agreement with the opponent (for example, acceptance of the negative attitude of the opponent to one’s actions). Transformation of quotes is analyzed: punning abbreviation expansion; quasi-quotes of the slogans of official Ukraine (they perform constructive function joining the images that discredit Ukraine into a cohesive accusing text). Special attention is paid to the use of Ukrainian quasi-quotes in the Russian media texts. The conclusion is made that a quote in the discourse of information warfare has a specific function of protest against the opponent’s view.*

KEYWORDS: *information war; Ukrainian conflict; political discourse; transformation of quote; precedent phenomena; Russia-Ukraine relations.*

ABOUT THE AUTHOR: *Krasovskaya Oksana Vladimirovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Social Communication Department, Luhansk Taras Shevchenko State University, Luhansk, Luhansk People’s Republic, Ukraine.*

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. Dialogicheskaya tsitatsiya (k probleme chuzhoy rechi) // Voprosy yazykoznanija. 1986. № 1.
2. Viren G. Sovremennye media: priemy informatsionnykh voyn. — M., 2016.
3. Glovinskaya M. Ya. Semantika glagolov rechi s tochki zreniya teorii rechevykh aktov // Russkiy yazyk v ego funkcionirovanii. Kommunikativno-pragmaticheskiy aspekt / отв. ред. Е. А. Земская, Д. Н. Шмелев. — М., 1993.
4. Zemskaya E. A. Aktivnye protsessy v russkom yazyke na rubezhe XX—XXI vv. // E. A. Zemskaya. Yazyk kak deyatel'nost': morfema. Slovo. Rech'. — M., 2004a.
5. Zemskaya E. A. Klishe novoyaza i tsitatsiya v yazyke postsovetskogo obshchestva // E. A. Zemskaya. Yazyk kak deyatel'nost': morfema. Slovo. Rech'. — M., 2004b.
6. Zemskaya E. A. Tsitatsiya i vidy ee transformatsii v zagolovkakh sovremennykh gazet // E. A. Zemskaya. Yazyk kak deyatel'nost': morfema. Slovo. Rech'. — M., 2004v.

6. Земская Е. А. Цитация и виды ее трансформации в заголовках современных газет // Е. А. Земская. Язык как деятельность: морфема. Слово. Речь. — М., 2004в.

7. Красовская О. В. Информационная война как коммуникативный феномен // Политическая лингвистика. 2016. № 4. С. 53—59.

8. Красовская О. В. О «политической диглоссии» современных информационных войн // Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления : материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 27.11.2015) / гл. ред. А. П. Чудинов. — Екатеринбург, 2015.

9. Копнина Г. А. Речевое манипулирование. — М., 2008.

10. Кронгауз М. А. Энергия клишированных форм // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии : тезисы конф. / РАН, Ин-т славяноведения и балканистики. — М., 1995.

11. Сковородников А. Н., Копнина А. Г. Лингвистика информационно-психологической войны: к обоснованию и определению понятия // Политическая лингвистика. 2016. № 1 (55).

12. Сковородников А. Н., Королькова Э. А. Речевые тактики и языковые средства политической информационно-психологической войны в России: этико-прагматический аспект (на материале «Новой газеты») // Политическая лингвистика. 2015. № 3 (53).

13. Современный медиатекст / отв. ред. Н. А. Кузьмина. — Омск, 2011.

14. Тагильцева Ю. Р. «Хто не каче, той москаль»: информационная агрессия как компонент информационно-психологической войны // Политическая лингвистика. 2014. № 2 (48).

15. Шейгал Е. И. Агональность в коммуникации: структура понятия // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2009. № 34.

7. Krasovskaya O. V. Informatsionnaya voyna kak kommunikativnyy fenomen // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 4. С. 53—59.

8. Krasovskaya O. V. O «politicheskoy diglossii» sovremennykh informatsionnykh voyn // Politicheskaya lingvistika: problematika, metodologiya, aspekty issledovaniya i perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya : materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Ekatereburg, 27.11.2015) / gl. red. A. P. Chudinov. — Ekaterinburg, 2015.

9. Koptnina G. A. Rechevoe manipulirovanie. — M., 2008.

10. Krongauz M. A. Energiya klisirovannykh form // Rechevye i mental'nye stereotipy v sinkhronii i diakhronii : tezisyy konf. / РАН, In-t slavyanovedeniya i balkanistiki. — M., 1995.

11. Skovorodnikov A. N., Koptnina A. G. Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny: k obosnovaniyu i opredeleniyu ponyatiya // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 1 (55).

12. Skovorodnikov A. N., Korol'kova E. A. Rechevye taktiki i yazykovyye sredstva politicheskoy informatsionno-psikholo-

gicheskoy voyny v Rossii: etiko-pragmaticheskiy aspekt (na materiale «Novoy gazety») // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 3 (53).

13. Sovremennyy mediatekst / otv. red. N. A. Kuz'mina. — Omsk, 2011.

14. Tagil'tseva Yu. R. «Khto ne skache, toy moskal'»: informatsionnaya agressiya kak komponent informatsionno-psikhologicheskoy voyny // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 2 (48).

15. Sheygal E. I. Agonal'nost' v kommunikatsii: struktura ponyatiya // Vestn. Chelyab. gos. un-ta. 2009. № 34.